

Бегство с позиций великой державы*

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(институт Европы РАН)

Точка невозвращения

Население ГДР отказалось признать политбюро ЦК СЕПГ под руководством Эгона Кренца в качестве нового руководства страны. Как таковое воспринималось лишь правительство ГДР во главе с популярным председателем Совета министров Хансом Модровым, избранным на этот пост 13 ноября 1989 г., то есть уже после падения Стены.

Известный как сторонник демократических реформ в духе советской “перестройки” Модров не мог отмахнуться от политических реалий, одним из важнейших аспектов которых стал замаячивший сразу же после открытия восточногерманских границ призрак объединения обоих германских государств на базе требований ФРГ, то есть присоединения Восточной Германии.

Модров справедливо полагал, что “если мы не займемся германским вопросом, то германский вопрос займется нами”.

В оглашенном им 17 ноября правительственном заявлении была выражена готовность начать переговоры с ФРГ о *создании “договорного сообщества”*, то есть некоей новой общности германских государств. Это понятие не расшифровалось, но было ясно, что “договорное сообщество” могло носить как конфедеративный, так и федеративный характер, а также служить формой перехода от конфедерации к федерации**.

Инициатива Модрова была способна существенно изменить последующий ход событий, поскольку подразумевала

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2007. № 7.

** В правительственном заявлении Модрова говорится: “Правительство ГДР готово всемерно расширить сотрудничество с ФРГ и поднять его на новую ступень. Это относится ко всем вопросам: обеспечение мира, разоружение, экономика, наука и техника, охрана окружающей среды, транспорт, почта и телефон, культура, туризм и огромная гуманитарная сфера. Мы за то, чтобы подкрепить сообщество ответственности обоих немецких государств договорным сообществом, которое выйдет далеко за рамки договора об основах отношений и договоров и соглашений, заключенных до сегодняшнего дня обоими государствами. Данное правительство готово к переговорам на эту тему” (И.Н.Кузьмин. 41-й год Германской Демократической Республики. М., 2004. С. 28–29).

практически немедленное начало переговоров между ГДР и ФРГ, на которых восточногерманская республика отстаивала бы свои (и одновременно советские) интересы.

Однако именно в этот момент Горбачев изменил разрекламированному им принципу невмешательства в дела социалистических стран. От его имени в закрытом порядке до сведения Модрова было доведено недовольство Москвы его излишней самостоятельностью в постановке вопроса о “договорном сообществе”.

Без поддержки СССР руки ГДР в плане переговоров с ФРГ, которые не могли не затрагивать “национальный вопрос”, были связаны. Момент был упущен. В результате инициатива в германском вопросе, “разбуженном”, главным образом, политикой “перестройки”, перешла в руки Бонна.

Характерно, что в рассматриваемой публикации Горбачев-фонда нет ни одного документа по данной теме кроме оглашенных в бундестаге 28 ноября “10 пунктов” Коля, которые были направлены как раз на перехват инициативы Бонном. В тексте “10 пунктов” содержался ряд разрозненных предложений по развитию германо-германских отношений, в том числе относительно порядка продвижения обоих германских государств “от конфедеративных структур к федерации”. (С. 254–263).

Западноевропейские соседи ФРГ гораздо быстрее осознали перспективу германского объединения, чем население СССР, задавленное обломками рушащейся под влиянием просчетов “перестройки” экономики и обострением межэтнических конфликтов: общественное внимание в СССР концентрировалось почти исключительно на внутренних проблемах, достигших

опасного накала. Впрочем, политический класс Советского Союза не мог игнорировать нарастающий развал европейского щита страны.

Горбачев признавался во время встречи с президентом Франции Франсуа Миттераном* в Киеве 6 декабря 1989 г.: “Для нас германский вопрос – больной вопрос. Общество наше резко реагирует на действия канцлера” (имелись в виду пресловутые “10 пунктов”) (С. 289).

Шаг Коля тем больнее задел Горбачева, что в телефонном разговоре с канцлером 11 ноября он поделился своей идеей создания “треугольника ФРГ, СССР и ГДР”, в котором “все должно быть продумано и сбалансировано”, и Коля как будто не отверг этой идеи.

Коля даже заявил: “На мой взгляд, наши отношения перешли сугубо официальный уровень, имеют личный оттенок. Полагаю, так они могли бы развиваться и впредь”. (С. 249–250).

Однако открывшаяся перспектива присоединения ГДР перевесила для канцлера соображения внешнеполитической осторожности.

На протяжении трех месяцев (ноябрь 1989 г. – январь 1990 г.) главным рецептом, на котором настаивал Горбачев в отношении решения германского вопроса, было “сохранение стабильности” в ГДР. Об этом говорил он и представителям ФРГ, и председателю Совета министров Италии, и президенту США, и президенту Франции.

На пресс-конференции в Милане 1 декабря он заявил, например, о том, что “нынешняя Европа, включая ее границы, а также наличие двух германских государств – это итог определенного исторического периода. Как будет дальше с судьбой этих государств, интересует нас всех, как и то, что будет с миром, с нашей цивилизацией, Европой, нами. Я ду-

* Франсуа Миттеран – президент Франции в 1981–1995 гг.

маю, время покажет. Пусть история сама распорядится. Сегодня ставить вопрос о воссоединении как актуальный вопрос международной политики было бы неправомерно. Больше того, это бы только ослабило ситуацию" (С. 267).

Очень резкой получилась беседа с Геншером 5 декабря, когда советский лидер обрушился на "10 пунктов" Коля с совсем недипломатической критикой. Горбачев говорил, что канцлер, видимо, "уже считает, что играет его музыка, мелодии марша, и он сам начал под нее маршировать. [...] Даются указания, каким путем должна идти ГДР, какие структуры создавать. Руководство ФРГ просто распирает от желания командовать. И это, уверяю вас, чувствуют все".

В словах Горбачева было много правды. Как, впрочем, и в ответной реплике Геншера, что именно советская политика "является причиной происходящего и в ГДР, и в Венгрии, и в других социалистических странах" (С. 276–277, 280).

В здании бывшего Союзнического контрольного совета для Германии состоялась встреча послов четырех держав (12 декабря), несших ответственность за Германию и Берлин в целом. Формальным поводом для нее стали предложения Рейгана по расширению сотрудничества между Восточным и Западным Берлином, обнародованные еще в 1987 г. Однако на встрече обсуждались и более широкие проблемы. Сам факт встречи вызвал острое беспокойство в Бонне.

Посол ФРГ в СССР Клаус Блех стал расспрашивать советских представителей о том, как расценивать эту ситуацию. Если "речь идет о рутинной встрече для обсуждения берлинских дел, это одно, – говорил

он. – Но если представить себе, что речь идет о попытке «контроля над Германией», то с этим, мол, в нынешних условиях не согласятся ни ФРГ, ни ГДР" (С. 297).

Вместе с тем, встреча четырех послов, которая объективно приобрела характер политического нажима на ФРГ со стороны держав, обладавших особыми правами в германских делах, дала быстрые практические результаты.

20 декабря 1989 г. в Москву прилетел представитель фракции ХДС/ХСС в бундестаге по вопросам разоружения Карл Ламмерс с миссией успокоить русских. Помимо смягченной интерпретации "10 пунктов" Коля, которая должна была рассеять подозрения советского руководства в отношении "захватнических" намерений Бонна, он изложил свой прогноз развития обстановки в Европе, в целом учитывающий интересы СССР.

Он говорил о том, что в "определенных кругах" ФРГ обсуждается в перспективном плане вопрос, "не создать ли своего рода пояс нейтральных государств, пересекающий всю Европу – от Швеции через Польшу, Германию, Чехословакию, Венгрию и до нейтральных Балкан?"

Не стоит ли всем этим странам в будущем стать «финляндизированными»*?"

Ламмерс рисовал заманчивую картину построения системы европейской безопасности для всех стран континента, включая СССР, а также налаживания общеевропейского политического, экономического и иного сотрудничества.

Он обещал на будущее тесные связи между Европейскими сообществами и СССР, к которым "будут подключаться другие восточно- и западноевропейские страны", а также сотрудничество между СССР и Западноевропейским союзом в плане обеспечения общеевропейской безопасности (С. 302–303).

* "Финляндизация" – американский уничижительный термин для обозначения влияния СССР за пределами социалистического содружества. Любая страна, поддерживающая хорошие отношения с СССР, объявлялась западной пропагандой "финляндизированной".

Казалось бы, и слепой должен был увидеть: ужесточение советской позиции в плане защиты своих стратегических интересов стало давать неплохие результаты. В ФРГ (по крайней мере, на среднем политическом уровне) обозначились подвижки, открывавшие путь к приемлемому для СССР компромиссу.

“Ключ от германского единства” продолжал оставаться в руках Москвы.

Надо было только суметь им воспользоваться.

Однако 26 января 1990 г. в советской политике наступил перелом в противоположном направлении. В этот день у Горбачева состоялось совещание по германской тематике, на которое не были приглашены ни советские послы в обоих германских государствах, ни представители компетентных отделов МИД СССР*.

По итогам совещания были приняты решения, означавшие, по существу, выдачу ГДР на милость западным немцам.

В пространном выступлении генсека на совещании констатировалось, что в ГДР “нет реальных сил” и регулировать процесс объединения можно “только через ФРГ”. В этой последней, по мнению Горбачева, следовало использовать соперничество между СДПГ и ХДС за симпатии восточных немцев для того, чтобы принудить Коля “всерьез встать в германских делах на европейскую точку зрения”, то есть учитывать, в частности, интересы СССР.

Из-за недовольства ФРГ встречей четырех послов Горбачев сформулиро-

вал предложение начать переговоры об условиях объединения в формате “пятерки”, то есть четыре державы-победительницы “плюс Коль” (по ходу совещания эта формула приобрела более благопристойный вид “4+2”, что подразумевало участие и ГДР). Он почувствовал, что реализация этой концепции вызовет осложнения в общественном мнении СССР (“моральный фактор – реакция советского народа”), и высказался за то, чтобы “выиграть возможно больше времени”, “растянуть процесс” с той целью, чтобы “не показалось, что мы просто уходим [из Германии] в год 50-летия Победы” (С. 307–311).

Последнее замечание наводит на мысль о том, что помещенная в публикации Горбачев-фонда запись совещания, сделанная Черняевым, не исчерпывающе передает содержания высказываний Горбачева – до этой отсылки к 1995 г., когда должно было прекратиться присутствие советских войск на германской территории, проблема вывода Западной группы войск в ней вообще не упоминается. Вместо этого есть заявление А.Н.Яковлева** о том, что “наши войска в ГДР Америке больше нужны, чем нам”*** (С. 308).

Принципиальное решение о выводе войск было принято 26 января 1990 г. без просьб об этом со стороны ГДР или ФРГ или третьей стороны.

“Недостающее звено” можно найти в дневниковых заметках Черняева, где четко зафиксировано указание Горбачева: “Ахромееву**** готовить вывод

* Шеварнадзе разделил “германский” 3-й Европейский отдел МИД на подразделения ФРГ и ГДР.

** Яковлев А.Н. – секретарь (1986–1990 гг.), член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990 гг.)

*** Было распространено и юридически обосновано мнение о том, что вывод ЗГВ из ГДР приведет к одновременному выводу из ФРГ войск западных союзников, включая американцев.

**** Ахромеев С.Ф. – маршал Советского Союза, начальник Генштаба Вооруженных сил СССР (1982–1988 гг.), советник председателя Верховного Совета СССР (1988–1989 гг.), советник президента СССР по военным вопросам (1990–1991 гг.).

войск из ГДР; «проблема больше внутренняя, чем внешняя: 300 тыс., из них 100 тыс. офицеров с семьями куда-то надо девать!»*.

Главное решение генсека по германскому вопросу выглядит в дневнике Черняева так: «Ориентироваться на Коля, но СДПГ не игнорировать»¹. Горбачев согласился принять в Москве Модрова и Гизи*, но «ориентироваться» на них не собирался.

Состоявшаяся 30 января 1990 г. встреча Горбачева с Модровым прошла в лучших традициях контактов между лидерами социалистических стран закатного периода, когда собеседники не знали, можно ли полностью доверять тому, что тебе говорят, и будут ли будущие дела соответствовать даваемым обещаниям.

Лидер КПСС подчеркнул: «ГДР – это предмет наших особых забот, и не только во внешней политике, но и во внутренней» и заверил, что не только СССР, но «и Франция, и Англия, да и многие другие государства» сдержанно относятся к форсированию объединения Германии.

По его оценке, ведущие партии ФРГ готовятся на территории ГДР к выборам в бундестаг ФРГ, назначенным на конец года.

Он констатировал «очевидный разрыв между заверениями западных деятелей и их практической политикой». Горбачев вновь отстаивал идею «об особой ответственности трех наших государств [СССР, ФРГ и ГДР] за процессы, идущие сейчас в центре Европы».

Модров информировал о внутривнутриполитическом и экономическом кризисе в Республике, о бесцеремонном вмешательстве политиков ФРГ в предвыборную борьбу в ГДР (18 марта предстояли выборы в Народную палату), об ослаблении позиций СЕПГ («Сейчас даже трудно сказать, сколько человек осталось в партии – 500–600 тыс.»).

Он подчеркнул, что **подрыв самостоятельности ГДР – «это по сути дела попытка демонтировать все послевоенное устройство в Европе»**.

Модров сообщил о подготовке в ФРГ «своего рода плана Маршалла» для помощи экономике ГДР (в частности, 6 млрд. марок на развитие мелкого, частного предпринимательства).

Он отметил, что начавшаяся в Чехословакии и Венгрии компания за вывод советских войск ведет к тому, что «аналогичные вопросы стали ставиться и перед правительством ГДР». Он попросил о поддержке ГДР со стороны СССР, причем ничего экстраординарного в его просьбах не было: речь шла о возможно более скором визите в ГДР Горбачева и Рыжкова, выполнении советских обязательств в экономической области («В январе мы получили на 508 тыс. т [нефти] меньше соответствующей договоренности»), о сдерживании давления со стороны Бонна.

Глава правительства ГДР ознакомил советских участников беседы с тезисами по германо-германским отношениям, с которыми он собирался выступить по возвращении из Москвы.

Горбачев одобрил как сами тезисы («Мы понимаем потребность немецкого народа в ФРГ и ГДР в углублении общения, его стремление к сотрудничеству и взаимодействию»), так и закрепленный в них принцип поэтапного движения к срастанию «в отдаленной перспективе» двух государств. Он считал возможной «встречу четырех держав по этим вопросам» и выделил необходимость «военного нейтралитета ГДР и ФРГ», а также «сохранение государственного суверенитета ГДР, невмешательство в ее внутренние дела» (С. 312–324).

Вернувшийся в Берлин Модров огласил (1 февраля) обговоренные с Гор-

* Грегор Гизи – с декабря 1989 г. председатель СЕПГ/ПДС, затем ПДС.

бачевым тезисы “За Германию, единое отечество” в качестве “концепции к дискуссии о пути к германскому единству” (С. 325–326). Направлявшийся в Москву вслед за Модровым Коль ожидал, что обмен мнениями с Горбачевым будет идти вокруг основных положений “плана Модрова”.

Однако полная смена курса Москвы не оказалась для него неожиданностью.

Кардинальные подвижки в советской позиции начались еще до встречи канцлера с советским руководителем 10 февраля. Накануне состоялась беседа Горбачева с госсекретарем США Джеймсом Бейкером, когда американец практически добился согласия Горбачева на переговоры в формате “2+4” (что означало предоставление ФРГ возможности без помех выкрутить руки ГДР), а также на то, чтобы такие переговоры начались только после выборов в ГДР 18 марта (ожидалось, что в результате этих выборов от власти будет отстранен Модров и новое правительство ГДР станет значительно более податливым в отношениях с Бонном).

Бейкеру также удалось заставить собеседника заколебаться по вопросу о членстве объединенной Германии в НАТО.

По последнему пункту Бейкер поставил вопрос ребром: “Что для вас [для СССР] предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО, но при гарантии того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?”

Похоже, что именно в этот момент Горбачев задумался над возможностью заменить “недостойного союзника” ГДР “достойным союзником” США. Он признал соответствующим интересам СССР желание американцев сохранить в рамках договора НАТО свои войска в Европе и, следовательно, в Германии.

“Вполне возможно, что в той ситуации, как она складывается сейчас, присутствие американских войск может играть сдерживающую роль”, – сказал он (С. 332–338).

Правда, окончательного ответа на запрос американцев дано не было. Горбачев предложил совместно подумать над решением проблемы. Однако отсутствие резкого отпора с его стороны уже говорило о многом. Для Бейкера стало ясно, что стоит посильнее надавить и Москва уступит. Своими впечатлениями он поспешил поделиться с Колема: американцы знали, кто является настоящим союзником для них.

Канцлер прекрасно подготовился к разговору с Горбачевым. Он начал с того, что правительство ФРГ одобрило предоставление СССР кредита на приобретение продовольствия, и добавил, что готов помогать всегда, когда в этом будет нужда.

Вторым кинжальным аргументом был намек на то, что Западная группа войск является по существу заложником возникшей в Восточной Германии неблагоприятной обстановки.

В контексте рассуждений о надвигающемся хаосе и грозящей радикализации восточных немцев Коль заявил: “В ГДР дислоцированы советские войска численностью около 400 тыс. чел. Там же живут жены и дети советских офицеров. Долгом советского руководства является их защита. Это элементарная логика, законный интерес, и я его поддерживаю”.

Только после этого он заговорил о предложенной им валютной унии с ГДР, реализация которой означала бы на деле объединение “с черного хода”: введение в Восточной Германии марки ФРГ в качестве единственного платежного средства неизбежно вело к ликвидации суверенитета ГДР.

Похоже, что в Москве не хотели давать себе полного отчета в том, что не-

сет с собой на практике упразднение собственной валюты ГДР.

Горбачев заявил: “Центральный вопрос статуса единой Германии – в военной безопасности”, на что Коль безмятежно заметил: “Здесь можно найти решение”.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы советский руководитель произнес ту знаменитую фразу, которая вызвала еле скрываемый восторг у представителей ФРГ, никак не ожидавших такого скорого и полного триумфа. Она одним ударом изменила весь дальнейший ход переговоров о германском единстве.

Эта фраза звучала так: “Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос”.

Какое-то время спустя Горбачев повторил это заявление в еще более ясной редакции: “Советский Союз и ФРГ с учетом мнения Модрова констатируют, что у них нет разногласий по проблемам единства Германии и права немцев сделать их выбор”.

И еще раз, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений: “У нас с федеральным канцлером есть общее понимание того, что вопрос о будущем немецкого народа – а оно приближается, – о его государственности, о выборе, который он хочет сделать, – это, конечно, выбор немцев”.

К этому была добавлена информация о том, что СССР собирается в одностороннем порядке вывести свои войска из ГДР (С. 340–353, 356).

Есть несколько способов вести переговоры:

– можно в самом начале назвать свои максимальные (как правило, завышенные) требования и затем, в обмен на уступки контрагента, постепенно от них отходить;

– можно подождать момента, когда противная сторона сформулирует свою “запросную” позицию, а потом взяться за ее демонтаж;

– можно выдвинуть свои условия “без запроса” и затем упорно отстаивать их.

Однако выбранный Горбачевым способ был уникален. Согласиться на исходные требования контрагента, даже не дожидаясь, чтобы он их четко сформулировал, и только затем заявить о своих пожеланиях – такой путь не обещал ничего хорошего.

Ничего хорошего и не получилось.

Пожеланиям, высказанным Горбачевым во время беседы, он подчеркнул не стал придавать характера условий для выполнения западногерманской программы-максимум.

Горбачев говорил, в частности, об обеспечении положения, при котором “с немецкой земли никогда не должна исходить война”.

Коль с ходу придал этой формулировке еще более необязательный характер: “С немецкой земли должен исходить только мир” – именно так звучала договоренность, достигнутая в начале 80-х годов между Колем и Хонеккером*. Генеральный секретарь ЦК КПСС высказался за сохранение экономических связей, существовавших между предприятиями СССР и ГДР (с чем Коль сразу же согласился), за советское участие в совместных предприяти-

* В начале 80-х годов Э.Хонеккер не поддержал Ю.В.Андропова, решившего было резко отреагировать на размещение в Западной Европе, в основном в ФРГ, американских ракет средней дальности действия. Тогда ГДР вместо согласия на дополнительное размещение ракет на своей территории призвала Г.Коля дать совместную клятву, что с “немецкой земли никогда более не будет исходить война, а только мир”. Тот охотно сделал это, заслужив репутацию записного миротворца.

ях ФРГ и ГДР после объединения (тут Коль отмолчался), за предотвращение отрицательных последствий для Западной группы войск введения в ГДР марки ФРГ (ни у ЗГВ, ни в московском казначействе марок ФРГ не было, между тем часть денежного довольствия офицеры и служащие ЗГВ получали в валюте страны пребывания; кроме того за услуги местных ремонтных, транспортных и тому подобных предприятий также надо было расплачиваться этой валютой).

Коль ответил в самой общей форме: "Мы не будем уклоняться ни от каких вопросов".

Заключительное заявление Горбачева звучало следующим образом: "...Мы договорились взаимодействовать, чтобы избежать опасности недопонимания, сохранять атмосферу доверия, ответственно, взвешенно решать нынешние проблемы и открыть дорогу для сотрудничества в будущем. Мы условились динамизировать наши контакты".

Характерно, что Коль изложил итоги бесед несколько по-иному: "Мы договорились о том, что, если события будут развиваться особенно драматично, мы незамедлительно будем вступать в контакт друг с другом. Я всегда считал, что лучше лишний раз поговорить. Если нам удастся продвинуться вперед на данном этапе, то дело пойдет хорошо и в дальнейшем" (С. 360).

Видимо, в глубине души Коль сохранил определенные сомнения в том, что Горбачев сознает весь размах уступки, сделанной им в отношении боннских планов поглощения ГДР, и хотел перестраховаться на случай, если Москва "передумает". Во всяком случае, никаких четко выраженных обязательств ФРГ на себя не взяла.

С немецкой методичностью Геншер подытожил практическую сторону дела, которую он обсуждал с Шеварнадзе: "...Оба германских государства будут до-

говариваться о собственном будущем, говорить на эту тему с четырьмя державами, — одним словом, определять совместный путь к объединению. Затем оба германских государства могли бы приступить к консультациям с советской стороной в рамках существующих процедур" (С. 359). Он благоразумно не стал заострять внимание на том, что "прирученная" после выборов 18 марта ГДР будет петь в основном с боннского голоса и не сможет играть роль полностью самостоятельного участника переговоров.

В любом случае, "в рамках существующих процедур" столь близкого сердцу Горбачева "треугольника" явно не получалось.

Похоже, что Горбачев задним числом стал испытывать некоторые сомнения относительно разумности решения ставить все на одну западногерманскую карту. В этой связи становится понятным его попытка еще на некоторое время сохранить ГДР в качестве противовеса Бонну.

В телефонном разговоре с Модровым (12 февраля 1990 г.) Горбачев осведомил ход и содержание бесед с канцлером в свете, не совсем точно отражавшем действительное положение.

Горбачев утверждал, например, что говорил Колю следующее: "Какие будут выбраны государственные формы, темпы сближения ГДР и ФРГ, определят в конечном счете сами немцы. Но ведь процесс объединения затрагивает и СССР, другие государства, прежде всего соседей ГДР и ФРГ."

Встают вопросы безопасности Советского Союза, Европы в целом, нерушимости границ, послевоенных территориально-политических реальностей.

В процессе объединения в качестве переговорщиков должны выступать не только ГДР и ФРГ, но и Советский Союз. Мы исходим не из тандема, а из "треугольника". Он подчеркивал, что Коль "наши аргументы принял, обещал подумать".

Советский руководитель приписал себе значительно более радикальные возражения против членства ФРГ в НАТО, чем это было на самом деле.

По его словам, он заявил: "...Сохранение объединенной Германии в НАТО для нас неприемлемо". Горбачев говорил также о сложившемся у него впечатлении, что "Коль вел себя высокомерно". В заключение он сформулировал следующий вывод: "Думаю, в этих условиях наша с вами задача состоит в том, чтобы твердо отстаивать принципиальную политическую линию, действовать взвешенно, ответственно. В процессе сближения двух германских государств нельзя не учитывать законные права и интересы европейских государств, пренебрегать уроками истории.

Движение вперед, наш вклад в это развитие возможны только на основе такой формулы" (С. 362–364).

В переводе на общепонятный язык такая рекомендация означала: не поддавайтесь, мы вас поддержим!

Договоренности Горбачева с Кодем вызвали понятное смятение и протест в политическом классе СССР. Пришлось оправдываться. В интервью газете "Правда" (21 февраля 1990 г.) Горбачев мотивировал предоставление свободы действий ФРГ по отношению к ГДР советской позицией в первые послевоенные годы, когда СССР последовательно выступал за создание единого германского государства.

"И вот история заработала неожиданно быстро, – говорил Горбачев, как будто речь шла о стихийном бедствии, к которому он не имел никакого отношения. – В этих условиях мы еще раз подтвердили, что немцы сами должны определить, как, в какие сроки и в каких формах будет происходить их объединение.

Об этом шла речь в беседах с Модровым и вскоре затем с Кодем".

Естественно, ни слова не было сказано о том, что ГДР, сотрясаемая внутренним кризисом, который к тому же усиленно разжигался из Западной Германии, могла бы хотя отчасти говорить с ФРГ "на равных" только при последовательной и энергичной поддержке со стороны СССР, но именно в такой поддержке Москва ей отказывала.

Заодно Горбачев взял на себя ответственность за формулу "2+4", только что согласованную Шеварнадзе с западниками на международной конференции в Канаде (С. 372–373). Эта формула, практически лишавшая державы-победительницы рычагов влияния на немецко-немецкие переговоры о темпах и формах присоединения ГДР к ФРГ, была более адекватной духу встречи Горбачева и Коля 10 февраля.

Примечание

¹ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.